

005060434

На правах рукописи

Ионова Елена Леонидовна

Elova

**Русская рецепция поэзии
Элизабет Баррет Браунинг**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

30 МАЙ 2013

Нижний Новгород – 2013

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы и фольклора Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Научный руководитель: Доктор филологических наук, профессор
Жаткин Дмитрий Николаевич

Официальные оппоненты: **Тамаев Павел Михайлович**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», профессор кафедры русской словесности и культурологии;
Жуков Александр Сергеевич,
кандидат филологических наук, ФГБОУ ВПО
«Пензенский государственный университет»,
доцент кафедры журналистики

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова»

Защита состоится «20» июня 2013 года в «16» часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 в ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» по адресу: 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского» по адресу: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

Автореферат разослан «13» мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Юхнова И.С.

Общая характеристика работы

Целью настоящего исследования является анализ процесса восприятия творчества английской поэтессы Элизабет Баррет Браунинг (1806 – 1861) русской литературой второй половины XIX – начала XXI в. В соответствии с целью исследования нами были поставлены следующие **задачи**:

1) установить специфику ранней русской рецепции творчества Э. Баррет Браунинг, обусловленную созвучием ее социального стихотворения «The Cry of the Children» («Плач детей») событиям общественной и литературной жизни России 1860 – 1870-х гг.;

2) выявить особенности изменения отношения к творчеству Э. Баррет Браунинг в русской литературе начала XX в.;

3) осмыслить русскую рецепцию наиболее значительного поэтического цикла Э. Баррет Браунинг «Sonnets from the Portuguese» («Сонеты с португальского»), соотнеся первый перевод, выполненный представителями литературы русского Зарубежья М.О.Цетлиным (Амари) и И.Астровым, с другими полными и фрагментарными переводами, созданными во второй половине XX – начале XXI в.;

4) установить причины и обстоятельства, приведшие к значительному росту интереса к творчеству Э. Баррет Браунинг в постсоветской России, истолковать его гендерную специфику.

Актуальность исследования. В английской литературной критике и литературоведении поэзии Баррет Браунинг традиционно уделено существенное внимание (Э.Монтгю, Г.Б.Таплин, П.Ваддингтон, П.Лаббок, М.Бидни, Л.Петерсон и др.). В России первые материалы, посвященные творческой деятельности одной из наиболее ярких представительниц литературы викторианской эпохи, стали появляться с середины XIX в. Однако до настоящего времени подавляющее большинство отечественных публикаций о творчестве Баррет Браунинг имели конкретный характер, были посвящены рассмотрению художественных особенностей отдельных произведений, прежде всего, стихотворного романа «Aurora Leigh» («Аврора Ли», 1856) и цикла «Sonnets from the Portuguese» («Сонеты с португальского», 1850), в непосредственном соотнесении с биографией их автора, в особенности с обстоятельствами ее бракосочетания с поэтом Робертом Браунингом; особый пласт представляют материалы, сближающие стихотворение «The Cry of the Children» («Плач детей», 1843) с «The Song of the Shirt» («Песней о рубашке», 1843) Томаса Гуда и с английской чартистской поэзией в контексте тенденций демократизации русского общества в конце 1850-х – 1870-е гг.

В начале XXI в. заметно усилилось внимание российских переводчиков к произведениям Баррет Браунинг, что выразилось в появлении многочисленных новых прочтений – как уже ранее известных (в основном из цикла «Sonnets from the Portuguese»), так и не переведившихся прежде поэтических текстов. Существенным событием стала републикация в России перевода «Sonnets from the Portuguese» русских поэтов-эмигрантов М.О.Цетлина (Амари) и И.Астрова,

предпринятая в 2011 г. издательством «Водолей» в рамках выпуска книжной серии «Серебряный век. Паралипоменон». Вместе с тем многие значительные произведения Баррет Браунинг продолжают оставаться непереуведенными на русский язык («Auroga Leigh», «A Drama of Exile», «Cowper's Grave», «Casa Guidi Windows» и др.), статьи о ее творчестве немногочисленны, а монографии и диссертации отсутствуют.

В свете сказанного возникла очевидная необходимость появления обобщающей работы, призванной целостно рассмотреть процесс эволюции восприятия произведений Баррет Браунинг русской литературой второй половины XIX – начала XXI в., систематизируя разрозненные факты из работ предшественников и заполняя имеющиеся пробелы собственным исследовательским материалом. Подобное исследование способно не только существенно углубить понимание русской рецепции поэзии Баррет Браунинг, но и может использоваться при разработке вопросов поэтики и стиля переводов произведений английской поэтессы, остающихся во многом неразрешенными в русском литературоведении.

Объект исследования – реминисценции и традиции творчества Элизабет Баррет Браунинг в русской литературе, переводы произведений поэтессы на русский язык. **Предмет исследования** – восприятие творческой деятельности Элизабет Баррет Браунинг русскими поэтами и переводчиками второй половины XIX – начала XXI в. **Материалом для анализа** послужили: английские оригиналы Э. Баррет Браунинг и их переводы, выполненные и опубликованные во второй половине XIX – начале XXI в.; произведения русской литературной критики, затрагивающие творчество Э. Баррет Браунинг и его влияние на русскую литературу; литературоведческие исследования отдельных аспектов творчества Э. Баррет Браунинг; труды в области сравнительно-исторического литературоведения, истории русского поэтического перевода, способствовавшие выработке методологических принципов исследования.

Новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществлено исследование рецепции поэзии Баррет Браунинг русской литературой второй половины XIX – начала XXI в. Вся совокупность отмеченных фактов рассматривается в комплексном единстве, с учетом особенностей литературного развития в России, но при этом сам анализ носит детальный характер, особенно в тех случаях, когда осуществляется сопоставительное рассмотрение английских оригиналов и их переводов на русский язык, осуществленных во второй половине XIX – начале XXI в., устанавливаются переклички оригинальных произведений Баррет Браунинг и русских поэтов. Особое внимание уделено текстам английской поэтессы, вызвавшим наибольший интерес русских писателей и переводчиков – стихотворению «The Cry of the Children» (Н.А.Некрасов, В.Д.Костомаров, Д.Д.Минаев, П.И.Вейнберг) и циклу «Sonnets from the Portuguese» (М.О.Цетлин (Амари) и И.Астров, А.А.Щербаков, М.Я.Бородицкая, Г.М.Кружков, В.А.Савин, А.В.Парин, И.В.Павлова, Я.А.Фельдман и др.), причем установлен ряд важных

семантических, стилистических, экспрессивных и иных различий между оригинальными произведениями Баррет Браунинг и их русскими поэтическими переводами. Впервые исследована деятельность переводчиков, внесших вклад в популяризацию наследия Баррет Браунинг в России эпохи Серебряного века, – О.Н.Чюминой, А.А.Милорадович, М.А.Трубецкой. В процессе анализа учтены литературно-критические публикации XIX – XX вв., представлявшие русскому читателю Баррет Браунинг и ее художественное творчество, затрагивавшие вопросы восприятия английской поэтессы в России. Таким образом, проведенное исследование способствует расширению научного знания в области русско-западноевропейских литературных связей, истории русского поэтического перевода, межкультурной коммуникации.

Теоретико-методологической базой стали достижения русской литературной науки и критики XIX – XX вв., современного отечественного и зарубежного литературоведения. В диссертации использованы подходы и методы, сформулированные в фундаментальных трудах А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, М.М.Бахтина, Ю.М.Лотмана, представителей ленинградской сравнительно-исторической школы М.П.Алексеева (Р.Ю.Данилевский, Ю.Д.Левин, П.Р.Заборов, В.Е.Багно и др.), учтен опыт анализа взаимовлияний русской и инациональной литератур, имеющийся в работах А.А.Аникста, В.Э.Вацура, А.Н.Гиривенко, Н.Я.Дьяконовой, А.А.Елистратовой, Д.Н.Жаткина, Е.И.Клименко, В.И.Кулешова, А.Д.Михайлова, Н.П.Михальской, Б.В.Неймана, А.Н.Николюкина, Б.Г.Реизова, Н.А.Соловьевой, А.В.Федорова и др. Избранная методология позволила осмыслить материал, связанный с функционированием некоторых типичных мотивов и образов, рассмотреть черты национального своеобразия в произведениях, понять специфику характеристик лирического персонажа и т.д. В соответствии с предметом исследования закономерно использовались культурно-исторический, историко-генетический, историко-типологический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, биографический, социокультурный подходы. Необходимость развернутой литературоведческой интерпретации художественных текстов обусловила обращение к приемам проблемного, эстетического, сопоставительного анализа.

Теоретическая значимость исследования заключается в опыте систематики процесса восприятия творчества инационального писателя русской литературой второй половины XIX – начала XXI в. Поэзия Баррет Браунинг рассматривается в широком историко-литературном контексте, что позволяет осмыслить обстоятельства, способствовавшие возникновению в России интереса к конкретным ее произведениям, увидеть причины их кратковременного или, напротив, длительного успеха, объяснить проникновение элементов поэтики, духовной ауры английской поэтессы в русскую литературную и культурную среду.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при подготовке курсов лекций по истории русской литературы XIX – XX вв., истории зарубежной литературы XIX в.,

истории русской литературной критики, при текстуальном комментировании произведений Баррет Браунинг и русских писателей, отразивших традиции ее творчества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ранняя русская рецепция творчества Э. Баррет Браунинг связана с осмыслением ее социального стихотворения «The Cry of the Children» («Плач детей»), которое, хотя и на сентиментально-филантропической основе, являло собой яркий протест против бесчеловечной эксплуатации детского труда, созвучный общественно-политическим процессам в России конца 1850-х – 1870-х гг. Н.А. Некрасов, первым усмотревший в браунинговском произведении взаимосвязь с отечественными демократическими тенденциями, использовал его в 1860 – 1861 гг. в качестве основы для своего одноименного оригинального стихотворения; впоследствии «The Cry of the Children» был фрагментарно переведен В.Д. Костомаровым (1861), Д.Д. Минаевым («Детский плач», 1870) и П.И. Вейнбергом (1875).

2. В связи с переоценкой ценностей в русской литературе и культуре начала XX в. произошло смещение интереса от социальной тематики в творчестве Э. Баррет Браунинг к интерпретации ею глубинных, вечных тем – сущности жизни и смерти, добра и зла, природы человека, любви и гармонии, что нашло отражение в переводах О.Н. Чюминой, А.А. Милорадович, М.С. Трубецкой. Хотя литературная критика этого времени и продолжает обращаться к «Плачу детей», новых переводов чрезвычайно популярного в прежние годы произведения не появляется; актуальность приобретают тексты с ярко выраженными романтическими мотивами, относящиеся к разным жанрам («расходия», романс, поэма, лирическое стихотворение), проникнутые философскими рассуждениями, трактующие взаимосвязь человека с природой или интерпретирующие древние мифы.

3. На фоне практически полного забвения творчества Баррет Браунинг в советской России заметным событием в русской рецепции ее поэзии стал выход в 1956 г. в Нью-Йорке первого перевода цикла «Sonnets from the Portuguese», осуществленного представителями литературы русского Зарубежья М.О. Цетлиным (Амари) и И. Астровым. Замысел перевода, относящийся еще к 1915 г., принадлежал М.О. Цетлину (Амари), находившемуся под влиянием немецкой интерпретации «Sonnets from the Portuguese», принадлежавшей Р.-М. Рильке. Полное воплощение замысла стало возможным уже после смерти М.О. Цетлина (Амари) благодаря деятельности И. Астрова, придавшего переводам характерную интонационную музыкальность. Несмотря на очевидное несовершенство, отмеченное литературной критикой русского Зарубежья еще во второй половине 1950-х гг. (сокращения, пропуски значимых деталей, обращение к «французской» манере рифмовки отдельных сонетов, обусловленной преимущественным использованием И. Астровым для своего литературного творчества французского языка, и др.), перевод М.О. Цетлина (Амари) и И. Астрова является более выигрышным в сравнении с двумя другими полными переводами «Sonnets from the Portuguese», выполненными в

начале XXI в. И.В.Павловой и Я.А.Фельдманом, в силу глубокого внимания к эмоциональной образности, перепадам чувств, психологизму подлинника.

4. На современном этапе в условиях роста переводческого внимания к поэзии Э. Баррет Браунинг, в особенности, к ее циклу «Sonnets from the Portuguese», переводы отдельных текстов из которого осуществили А.А.Щербаков, М.Я.Бородинская, Г.М.Кружков, В.А.Савин, А.В.Парин, наблюдается и несомненный интерес к лирическому творчеству английской поэтессы со стороны переводчиков-любителей, непрофессиональных писателей, во многом вызванный значительной известностью переизданных в России биографического этюда Вирджинии Вульф «Флаш» и очерка Андре Моруа «Роберт и Элизабет Браунинг». Появившиеся в начале XXI в. в сети Интернет переводы и оригинальные стихотворения «на мотив» Баррет Браунинг, созданные С.Макаренко, Л.Рогожевой, В.Баша, Ш.Росса, Т.Воронцовой и др., свидетельствуют о гендерной специфике современного российского внимания к наследию английской поэтессы, причем переводчицы-любительницы, непрофессиональные писательницы стремятся не столько к полной передаче замысла оригинального текста, сколько к раскрытию собственного эмоционального состояния, в частности, своего неприятия эгоцентризма и меркантильности в отношениях, поиска душевной отзывчивости, исцеляющей романтической любви как смысла жизни.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература и выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 3 – история русской литературы XIX века (1800 – 1890-е годы); п. 17 – взаимодействие русской и мировой литературы, древней и новой; п. 18 – Россия и Запад: их литературные взаимоотношения.

Достоверность выводов основана, прежде всего, на результатах досконального анализа творческой рецепции элементов художественной системы Баррет Браунинг, ее идейно-эстетических представлений, а также на учете преемственной связи английского автора с русскими поэтами и переводчиками последующего времени. В этой связи особую значимость приобретают рассматриваемые, наряду с переводами, традиции творчества Баррет Браунинг в русской литературе второй половины XIX – начала XXI в., литературно-критические отклики на ее произведения в российских изданиях.

Апробация работы и публикации. Основные положения диссертации докладывались на Международной научно-методической конференции «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2011), Всероссийской научно-практической конференции «Вопросы теории и практики перевода» (Пенза, 2012), внутривузовских научных конференциях преподавателей Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (2010 – 2013), были подтверждены авторитетными рецензиями на статьи, принятые к публикации в журналах, рекомендованных ВАК, а также одобрены ведущими учеными кафедры, выступавшими в качестве рецензентов

и экспертов на заключительном обсуждении диссертации. Основное содержание диссертации нашло отражение в четырех статьях в изданиях перечня ВАК, раскрывших как поэтапные, так и итоговые результаты исследования.

Структура диссертации включает введение, четыре главы, заключение и библиографический список.

Основное содержание работы

Во **Введении** определяются цель исследования и связанные с ней задачи, раскрыта степень изученности вопроса, обосновывается актуальность решения поставленных научных проблем, характеризуется теоретико-методологическая база, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, достоверность выводов.

В **главе первой «Элизабет Баррет Браунинг и ее стихотворение «Плач детей» («Cry of the Children») в русской литературе 1860 – 1870-х гг.»** осмысливается значимость стихотворения «Плач детей» («Cry of the Children») как произведения социальной тематики в поэтическом наследии Элизабет Баррет Браунинг в контексте тенденций развития чартистской литературы в Англии, устанавливаются обстоятельства и причины избирательного восприятия русской литературой именно этого произведения поэтессы, осмысливаются его традиции в «Плаче детей» Н.А. Некрасова, проводится сопоставительный анализ переводов браунинговского стихотворения, выполненных В.Д. Костомаровым, Д.Д. Минаевым, П.И. Вейнбергом.

В **параграфе первом «Социальная тематика творчества Элизабет Баррет Браунинг в контексте тенденций развития чартистской литературы в Англии и общественно-политической жизни в России 1860 – 1870-х гг.»** рассмотрены обстоятельства создания стихотворения «Плач детей», отмечено его место среди других произведений социальной тематики, включая собственно чартистскую поэзию, а также созвучие «Плача детей» общественным настроениям в России 1860 – 1870-х гг.

Стихотворение Э. Баррет Браунинг «The Cry of the Children» («Плач детей», 1843) представляет собой яркий образец социальной поэзии, популярной в Англии в эпоху развития чартизма, и выражает протест против бесчеловечной эксплуатации детского труда. Стихотворение было создано Баррет Браунинг под впечатлением от результатов исследования по заказу Британского правительства, в котором принимал участие ее друг Р.Г. Хорн. В течение 1841 – 1843 гг. специально сформированная группа по личному указанию королевы Виктории изучала количество, возраст, пол, семьи детей, работавших в шахтах и на фабриках Великобритании, с целью определения необходимых нововведений. Отчеты комиссии были подкреплены многочисленными статистическими данными, имевшими отношение к методам найма детей, оплате их труда, часам и условиям работы, наличию обеденных перерывов и отпусков, специфике обращения с детьми работодателей и

надзирателей, фактам несчастных случаев на производстве и нормам техники безопасности, нравственному и умственному развитию в рамках работы религиозных учреждений. Эффект воздействия на общество отчетов комиссии и написанного им в параллель стихотворения Баррет Браунинг оказалось осязаемым, во многом подготовив политические и социальные реформы, способствовавшие существенному улучшению условий детского труда в Великобритании.

Став, наряду с отдельными произведениями Т.Гуда и Э.Эллиота, предтечей чартистского направления в развитии английской литературы, произведение Баррет Браунинг оказалось актуальным для общественно-политической ситуации в России эпохи александровских реформ – 1860 – 1870-х гг. Привлекая преимущественное внимание изданий демократической ориентации (некрасовский «Современник», «Дело», «Неделя» середины 1870-х гг. и др.), стихотворение «Плач детей» также было опубликовано в журнале братьев Ф.М. и М.М.Достоевских «Время». Впоследствии русские переводы «Плача детей» нередко перепечатывались на страницах литературных сборников и альманахов конца XIX в., заинтересовывая как писателей-народников, так и представителей либерального лагеря, и людей со славянофильскими взглядами, и поэтов-демократов, и переводчиков, популяризаторов английской поэзии в России, в конечном итоге подчеркивая всю нестабильность общественно-политической жизни в период реформ.

В параграфе втором *«Традиции стихотворения Элизабет Баррет Браунинг «Плач детей» («Cry of the Children») в «Плаче детей» Н.А.Некрасова»* проведен сравнительный анализ текстов оригинальных стихотворений Э. Баррет Браунинг «The Cry of the Children» и Н.А.Некрасова «Плач детей».

Будучи не только поэтом, но и публицистом, журналистом, издателем, Н.А.Некрасов стремился включать в свой «Современник» переводы наиболее примечательных произведений зарубежных авторов, причем в середине 1850-х гг. он особенно интересовался английской литературой, усматривая высокую нравственную и общественную идейность в творчестве таких авторов, как У.М.Теккерей, Ч.Диккенс, Р.Бернс, Дж.Крабб, и ища в их сочинениях параллели возможному развитию событий в реформируемой России. По словам самого Н.А.Некрасова, при создании «Плача детей» у него был подстрочный перевод в прозе оригинального произведения Баррет Браунинг. Опора на прозаический подстрочник привела к тому, что для Н.А.Некрасова оказался абсолютно не значимым музыкально-мелодический аспект произведения Баррет Браунинг. Вместе с тем он воссоздал размер подлинника – пеонический хорей – без каких-либо изменений. В стихотворении Н.А.Некрасова оказались творчески переработанными только первые семь строф английского произведения, без учета религиозного и политического содержания последующих (восьмой – тринадцатой) строф. Фактически Н.А.Некрасов сохранил только 40 стихов от оригинальных 160. Такого подхода требовали и укореившиеся еще с пушкинского времени традиции художественного

лаконизма, ярким носителем которых являлся Н.А. Некрасов, и его собственные творческие представления. По наблюдению Н.В. Яковлева, «Некрасов от природы был силен “чувством”, но не “чувствительностью”. Чувствительность неизбежно расплывается в вялом многословии, сильное чувство требует сжатого, энергического выражения». В своем «Плаче детей» Н.А. Некрасов существенно смягчает браунинговское противопоставление сельской и индустриальной жизни, контраст романтизированной пасторальной картины и холодных, мрачных сцен трудовой действительности в городе. Причины этого смягчения были обусловлены русскими реалиями, прежде всего, слабым развитием промышленности, в том числе и добывающей, связанной с работой шахт, и крайними тяготами крестьянской жизни, которая никогда не была в России вожделенной мечтой. Важно отметить, что Н.А. Некрасов прибегает к перестановке образов и картин – сначала представляет фабрику, затем – поле и, наконец, дом, домашнюю нужду, описание которой никак не соотносится с текстом Баррет Браунинг. В финале русского стихотворения возникает образ «бледной матери», страдающей при виде измученных детей, рожденных ею все же для жизни, а не для мучений. В этом можно увидеть глубинную продуманность некрасовского сюжета (ибо у Баррет Браунинг с образа матери описание, напротив, только начинается), тенденцию к усилению эмоционального напряжения в поэтическом описании.

Как видим, при создании стихотворения «Плач детей» Н.А. Некрасов испытал несомненное влияние «The Cry of the Children» Э. Баррет Браунинг, но это влияние, при всей его значимости, не было определяющим. Н.А. Некрасов стремился не к переводу и даже не к переложению английского произведения, а к раскрытию собственных мыслей и эмоций, во многом созвучных размышлениям Баррет Браунинг. Значительная часть произведения поэтессы, содержащая теологические, политические и иные размышления, чуждые внутреннему миру Н.А. Некрасова, российской действительности, вообще оказалась им неостребованной. В свете сказанного вполне можно согласиться с мыслью Н.В. Яковлева, что «не Некрасов подчинился “влиянию”, а пьеса Баррет Браунинг – только послушный материал под рукою формующего мастера», и подтвердить достоверность представлений исследователей творчества Н.А. Некрасова о «Плаче детей» как об оригинальном произведении русского поэта.

В параграфе третьем ««Плач детей» («Cry of the Children») Элизабет Баррет Браунинг в русских переводах XIX в. (В.Д. Костомаров, Д.Д. Минаев, П.И. Вейнберг)», содержащем осмысление переводов «The Cry of the Children» Э. Баррет Браунинг, выполненных в XIX в. русскими поэтами В.Д. Костомаровым, Д.Д. Минаевым, П.И. Вейнбергом, отмечается, что все русские интерпретации «The Cry of the Children», осуществленные в 1860 – 1870-е гг., оказались частичными, лишенными политической, религиозной и социальной коннотации подлинника. Тем не менее, переводы В.Д. Костомарова и П.И. Вейнберга отличаются интересными подходами к организации архитектоники английского стихотворения и русификацией отдельных его

фрагментов, а перевод Д.Д.Минаева – более точным следованием английскому автору, специфике воплощения его творческого замысла.

Все русские переводчики существенно упростили детализацию браунинговского описания фабрики, привнеся либо параллельные конструкции (иногда осложненные сравнениями), либо характерное многосоюзие: «И с колеса, не под силу тяжелого, / Холодом нас обдает, / *Словно тисками* кто жмет наши головы, / *Словно кругом* все идет, – / Пол, потолок, и решетки оконные, / Бледное небо в высоком окне, / Черные мухи, что бродят как сонные, / И длинный луч, что скользит по стене...» (В.Д.Костомаров) – «*Проглянет день – колеса не стоят, / Настанет ночь – колеса все вертятся*, / При каждом взмахе стонут и скрипят, И кровью начинают заливаться / Сердца и наши головы. *Кружатся* / Пол, стены вокруг нас и потолок, / И окна все, и солнце с небесами, / И, наконец, мы *кружимся* и сами» (Д.Д.Минаев) – «Шумно *вертятся* колеса, воздухом режут нам лица – и вот, / Мало по малу, за ними / Все с быстротою *вертеться* начнет: / Мозг наш, и сердце, и воздух, и свет сероватый в окне, / Небо, и мрачные своды, и мухи на черной стене! / Всё *вертится*, всё *вертится* / От утра до поздней ночи, / И с таким зловещим стуком... / Видеть, слышать нету мочи!» (П.И.Вейнберг). Как видим, в отличие от В.Д.Костомарова, Д.Д.Минаев и П.И.Вейнберг мастерски отобразили бесперывность работы колес, заложенную в английском глаголе «turn», что было сделано, в первом случае, повтором глагола «кружиться», а во втором – повтором глагола «вертеться».

Если Баррет Браунинг настойчиво обращалась к теме любви как естественного юношеского чувства, которого, однако, лишено молодое поколение, погрязшее в пучине непосильного труда, то русские переводчики, напротив, стремились избежать темы любви, упоминая лишь отдых, рукопожатие, отсутствие слез, улыбку: «...*пусть* отдохнут хоть мгновение, / Руки друг другу пожмут! / *Это не жизнь, а ее убийство, / Это ведь казнь, а не труд!* / *Пусть* на сияние *солнышка ясного* / Взглянут глазами не полными слез, / Знают, что в жизни есть много прекрасного, / А не одно лишь вертенье колес!...» (В.Д.Костомаров); «...*Дайте* детям / Очнуться от ужасного труда! / *Пусть* мы на детских личиках заметим / Улыбку молодую иногда. / *Пусть* их надежда изредка обманет, / На лицах осушив потоки слез, / Что не всегда их жизнь томиться станет / Под вечный гул вертящихся колес!...» (Д.Д.Минаев). Только в переводе П.И.Вейнберга появился мотив *братского* поцелуя: «...*Позвольте* несчастным созданиям / В братском сойтись поцелуе, дыханье сливши с дыханьем; / *Дайте* хотя на минуту найти облегчение мук / В юном и свежем пожатыи друг другу протянутых рук. / *Дайте* понять им, что кроме движений машины холодной, / Жизнь есть иная, где Бог проявляется в мощи свободной; / *Пусть* просветлевшею мыслью они сомневаться начнут / В том, что лишь вами они, иль под вами одними живут!». Во всех русских переводах чувствуется стремление посредством использования повелительного наклонения глаголов передать настоятельность предъявляемого колесам требования, однако все же ни одному из интерпретаторов не удается добиться

той четкости, что характерна для оригинальных параллельных конструкций. Для усиления эмоционального эффекта В.Д.Костомаров использовал антитетический параллелизм, сравнив труд фабричных детей с казнью, а само их земное бытие с каждодневным «убиением», уничтожением самой жизни.

Избранный Баррет Браунинг для финала восьмой строфы глагол «spin» («крутиться, вертеться»), с одной стороны, своей синонимичностью глаголу «turn» из седьмой строфы вписывает жизнь детей в ритм вращающихся колес фабрики, с другой стороны, будучи употребленным в значении «пробывать в замешательстве, смятении», отображает всю неправильность такого, обремененного тяжелой работой, существования детей: «And the children's souls, which God is calling sunward, / Spin on blindly in the dark» [И души детей, которые Бог зовет к солнцу, / Кружат в смятении слепо в темноте]. Используя народно-поэтическую синтагму «долюшка слезная» в сочетании с ранее употребленной синтагмой «солнышко ясное», В.Д.Костомаров привнес в описание как колорит русского фольклора, так и элемент жалости, сочувствия безнадежной судьбе: «Ведь не изменится *долюшка слезная* / За колесом изнывать...». Аналогичной русификацией характеризуется и перевод П.И.Вейнберга, которому, однако, удалось избежать излишней сентиментальности, слезливости: «И детей несчастных души, / Те, что Богом созданы / Для блаженной, светлой доли, / Под ярмо слепой неволи / Человеком склонены!». Д.Д.Минаев предпочел следовать английскому автору, противопоставляя свет божьего солнца, радости жизни и мрак фабрик, тьму фабричной работы: «И чахнут, солнца божьего не зная, / Во мраке фабрик детские сердца».

Глава вторая «Произведения Элизабет Баррет Браунинг в восприятии русских поэтов начала XX в.» посвящена анализу обстоятельств творческого восприятия и осмысления произведений Баррет Браунинг русской литературой Серебряного века.

В параграфе первом «**Специфика восприятия творчества Элизабет Баррет Браунинг в России начала XX в.**» отмечается, что начало XX в. ознаменовалось появлением русских переводов значительного числа произведений Э. Баррет Браунинг, выполненных О.Н.Чюминой (1898 – 1904 гг.), А.А.Милорадович (1904 г.), М.С.Трубецкой (1914 г.).

Всплеск интереса к наследию Баррет Браунинг во всем его многообразии был во многом обусловлен изменением общественных ценностей, нашедшим отражение в отечественной литературе. Переводы О.Н.Чюминой, А.А.Милорадович и М.С.Трубецкой из Баррет Браунинг вполне соответствовали общим тенденциям развития русской поэзии начала XX в., акцентируя вечные темы любви, гармонии, смысла человеческой жизни. В подавляющем большинстве переводов, вне зависимости от избранного жанра – будь то поэтическая «рапсодия» («Рапсодия жизни»), романс («Лебединое гнездо»), пронизанные философскими рассуждениями о превратностях судьбы стихотворения («Непоправимое», «Слезь», «Узник», «Неудовлетворенность», «Горец и поэт», «Даль») или поэма («Сватовство леди Джеральдин») –

ощутимо стремление к возрождению романтических мотивов «золотого века» русской поэзии; этим стремлением во многом обусловлено и обращение к рассуждениям о гармонии («Песня»), и попытка интерпретации древнегреческого мифа («Музыкальный инструмент»). В переводах получило отражение характерное для русской культуры начала XX в. взаимодействие с западноевропейским искусством, открывавшее возможности художественно-интуитивного познания мира, переосмысления символов, «вечных образов», толкования древних мифов, образцов примитивного искусства и литургического песнопения.

Во *втором параграфе «О.Н.Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг»* осуществлен анализ переводов О.Н.Чюминой стихотворений «Ingerparableness» («Непоправимость»), «Tears» («Слезы»), «The Prisoner» («Узник»), «Insufficiency» («Недостаточность»), «A Rhapsody of Life's Progress» («Рапсодия развития жизни») и баллады «The Romance of the Swan's Nest» («Романс о лебедином гнезде») из сборника «Poems by Elizabeth Barrett Browning» (in 2 vol.; London, 1844), а также стихотворений «Mountaineer and Poet» («Горец и поэт») из июньского номера журнала «Blackwood's Magazine» за 1847 г. и «The Prospect» («Даль») из журнала «Blackwood's Magazine» за май 1847 г. Один из переводов Чюминой – «Рапсодия жизни (Элизаветы Броунинг)» – был напечатан в «Женском альманахе», изданном в Одессе в 1901 г., другие помещены в авторском сборнике поэтессы-переводчицы «Новые стихотворения. 1898 – 1904» (СПб., 1905) под заголовками «Непоправимое», «Слезь», «Узник», «Неудовлетворенность», «Лебединое гнездо», «Горец и поэт», «Даль».

При переводе стихотворения «The Prisoner», передававшего чувства узника, Чюмина, не придав значения лексеме «last» («последний раз»), опустила нюанс, существенный для эмоционального восприятия английского подлинника: «I count the dismal time by months and years / Since *last* I felt the green sward under foot, / And the great breath of all things summer-mute / Met mine upon my lips...» [Я считаю унылое время месяцами и годами / С тех пор, как *в последний раз* чувствовал зеленую траву под ногами, / И прекрасное дыхание всей летней тишины / Встречалось с моим на моих губах...] – «Счет времени веду годами я с тех пор, / Как видел я травы зеленой колыханье, / И на устах моих природы всей дыханье / С моим сливалось...». Стихотворение «Insufficiency», подчеркивавшее осознание поэтессы неспособности в полной мере раскрыть собственные душевные переживания посредством поэзии, сохранило в переводе Чюминой свою идейную направленность, однако изменение порядка слов и, особенно, опущение ряда наречий в сравнительной степени, показывавших творческие искания автора, приводило к смещению акцентов со стремления навстречу абсолютной гармонии к достижению «истинной гармонии свершенья», ср.: «And something *farther, fuller, higher* rehearse / To the individual, true, and the universe, / In consummation of right harmony» [И что-то *шире, полнее, лучше* высказать / Человеку, истине и вселенной / В достижении абсолютной гармонии] – «Чтоб *шире* вылиться,

светлее и полней, / Достигнув истинной гармонии свершенья / Пред человечеством и пред вселенной всей).

Стихотворение «The Prospect», отождествляющее туманный след от дыхания на оконном стекле и зло, не позволяющее душе четко увидеть то, что ждет ее, а именно смерть как переход к загробной жизни, проникнуто мыслью о таинственности, непонятности божественного разделения скорбящей души и загробной жизни: «...God the maker drew / A *mystic* separation 'twixt those twain – / The life beyond us and our souls in pain» [...Бог, творец произвел / *Мистическое* разделение этой пары – / Жизни вне нас и наших душ в страдании]. В переводе Чюминой важное прилагательное *mystic* опускается («...Промыслом разлучена была / С душою скорбною за гробом жизнь другая»), зато возникает большая конкретизация в параллели между «оконным стеклом» («window-pane») или «стеклом» («glass») и «окном души» («soul's <...> window»), первое из которых определено как «поверхность стекла» или «гладь стекла», а второе – как «души <...> стекло». При интерпретации стихотворения Браунинг «Mountaineer and Poet», содержавшего призыв к поэту, ищущему славы, смириться перед мирозданием подобно пастуху, увидевшему свою огромную тень в горах и ставшему чуждаться самообмана и гордости, Чюмина удачно передала концовку, в которой, несмотря на пропуск значимой конструкции («not <...> nor» («ни <...> ни»), с особой силой прозвучала мысль о ничтожности сущности отдельного человека в величественном «божьем мире», ср.: «Ye are not great because creation drew / Large revelations round your earliest sense, / Nor bright because God's glory shines for you» [Ты не велик, потому что мироздание произвело / Великие открытия задолго до тебя, / И не ярк, потому что милость Бога светит тебе] – *«Не ты велик – мир божий, постепенно / Во всей могучей красоте / Открывшийся тебе для постиженья, / И ты – его же славы отраженье».*

Стихотворение Браунинг «A Rhapsody of Life's Progress» было подвергнуто Чюминой-переводчицей значительному сокращению, что привело как к уменьшению количества строф, так и к сокращению числа стихов в строфах. К тому же переводчица не придавала значения эпиграфу из «Poems on Man» («Стихотворения об американце») Корнелиуса Мэтьюза – «Fill all the stops of life with tuneful breath» («Наполни все этапы жизни гармоничным содержанием»), подчеркивавшего ценность каждого этапа жизни, затрагиваемого в браунинговской рапсодии – рождения, детства, отрочества, юности, взрослой жизни, зрелости, увядания, смерти. Опустив заключительную строфу, Чюмина утратила и важный повтор, присутствующий в начале и в конце оригинального произведения и констатирующий философскую мысль о вечности бытия: «We lie still on the knee of a mild Mystery, / Which smiles with a change» [Мы лежим тихо на коленях кроткой Тайны, / Которая улыбается переменам] и «And again on the knee of a mild Mystery / That smiles with a change, / Here we lie» [И снова на коленях кроткой Тайны, / Которая улыбается переменам, / Здесь мы лежим]; отсутствие логической «закольцованности» повествования, обусловленной повторяемостью жизненного цикла, не

позволяет в полной мере осмыслить первые стихи чюминской интерпретации: «Мы все покоимся на лоне кроткой тайны / И упиваемся улыбкою ее». Наиболее значительному сокращению подверглась седьмая строфа, в которой действие достигает своей кульминации, вследствие чего каждый нюанс описания насыщается особой энергией, стремительностью и напором движения. Вместе с тем Чюминой была мастерски передана мысль Браунинг о сверхспособностях человеческой мысли, умеющей отринуть суету, события внешнего мира и погрузиться в самую глубину души, найти в ней отклик.

Как видим, несмотря на пропуск отдельных значимых художественных деталей, философские, сложные для понимания, требующие глубокого прочтения стихи Элизабет Баррет Браунинг, рожденные ее необычным поэтическим мышлением, в целом оказались доступны О.Н.Чюминой как переводчице. Приоткрывая перед читателем мир талантливейшей английской поэтессы русская переводчица впервые обратила внимание на афористичность ее творчества, умение тонко передать эмоциональное состояние героини (женщины, молодой девушки), а также активное использование тропов и фигур речи. К сожалению, многие особенности произведений Браунинг, позволявшие говорить о неординарности творческой личности поэтессы, были сглажены, смягчены у Чюминой, лишены ею характерного напора, психологического напряжения, экспрессивного звучания. Однако, не находя подчас нужных слов, стилистических средств для воссоздания ярких, запоминающихся образов из стихотворений Браунинг, Чюмина вместе с тем вполне чувствовала их, держалась общей тональности описания, в котором оказывались рядом тоска, безысходность, усталость, утрата последней надежды и искренняя убежденность в том, что человек – маленькая песчинка в мире, находящемся в постоянном движении и поиске.

В параграфе третьем «Стихотворения Элизабет Баррет Браунинг в творческом осмыслении А.А.Милорадович» проанализированы выполненные А.А.Милорадович переводы стихотворений Баррет Браунинг «Song» («Песня», между 1826 и 1833) и «A Musical Instrument» («Музыкальный инструмент», вторая половина 1850-х гг.).

Раннее стихотворение, посвященное гармонии природы и равновесию в жизни, характеризуется экспрессивностью зачина, нарочито подчеркнутой у Баррет Браунинг при помощи параллельных восклицательных конструкций в сослагательном наклонении и антонимии («Weep, as if you thought of laughter! / Smile, as tears were coming after!») [Плачьте, как будто вы думаете о смехе! / Улыбайтесь, как будто после будут слезы!], не сохраненных в русском переводе: «Рыдай, не забывая смеха, / Улыбки слез разбудят эхо». Вместе с тем Милорадович достаточно полно передала весь контрастирующий образный ряд оригинала: «pleasures – woes» [удовольствия – горести] – «несчастьям – радости», «green – rose» [зелень – розы] – «листья – цветы», «sorrow – comfort» [печаль – успокоение] – «горе – утешенье», «sun may sleep – starlight» [солнце может спать – свет звезд] – «солнце спит – блещут звезды», «opened wide – will wither» [раскрылась – завянет] – «кувынут – расцветают». Если Баррет Браунинг

при помощи наречия «suddenly» («вдруг») делает акцент на внезапности наступления ночи, сменяющей длинный день («Italian days without twilight, / Will turn them **suddenly** to night» [Итальянские дни без сумерек / Сменятся *вдруг* ночью]), то Милорадович предлагает читателям своеобразное сопоставление, появляющееся в результате использования прилагательного в сравнительной степени: «И после долгих южных дней / *Темней* беззвездие ночей». К таким же прилагательным в сравнительной степени она прибегает и в концовке произведения, употребляя синтаксическую конструкцию «чем... тем...»: «Всех *раньше* радость изменяет, / На крыльях радужных витает, / И *чем* раскинет их *пестрей*, / *Тем* отлетит от нас *скорей*». Всего этого нет в английском оригинале, настроение которого передано посредством превосходных качественных характеристик: «Joy, most *changeful* of all things, / Flits away on rainbow wings; / And when they look *the gayest*, know, / It is that they are spread to go!» [Радость, *самая изменчивая* из всего, / Улетает на крыльях радуги; / И когда они выглядят *наиболее яркими*, знайте, / Они раскрыты, чтобы улететь!].

Своеобразие стихотворения Баррет Браунинг «A Musical Instrument» проявляется в обилии причастий настоящего времени (Ving), первое из которых выступает в качестве составной части сказуемого в прошедшем продолженном времени (Past Continuous), а другие, выполняя функцию обстоятельства образа действия, формируют у читателя ощущение растянутости событий во времени: «What *was he doing*, the great god Pan, / Down in the reeds by the river? / *Spreading* ruin and *scattering* ban, / *Splashing* and *paddling* with hoofs of a goat, / And *breaking* the golden lilies afloat / With the *dragon-fly* on the river» [Что он делал, великий бог Пан, / Внизу в камышах у реки? / Творя разрушение и сея гонение, / Брызгая и плескаясь козлиными копытами / И ломая золотые лилии на поверхности воды / Со стрекозами на реке]. Обратившись к интерпретации «A Musical Instrument», Милорадович попыталась придать описанию большую соотнесенность с реальностью, для чего прибегла к использованию глаголов настоящего времени и существенно сократила число причастий: «Над чем *развозился* великий бог Пан / Внизу в камышах на реке? / *Наносит* повсюду *разор* да *изъян*, / *Плескаясь* и *брызжа* козлиной ногой, / Кувшинкам *помял* он *убор* золотой, / *Стрекоз* *разогнал* по реке». Оупущение шума, возни, разора великолепно воссоздано у Милорадович посредством аллитерации звука [r]. Безжалостность Пана по отношению к превращаемой в музыкальный инструмент нимфе, наиболее ярко переданная Баррет Браунинг при сравнении мягкой сердцевины тростника с человеческим сердцем («Then drew the pith, *like the heart of a man*, / Steadily from the outside ring» [Потом вынул мягкую сердцевину, *как сердце человека*, / Равномерно из внешнего кольца]), подчеркнута и в переводе Милорадович, позволившей себе, однако, некоторую расплывчатость в передаче образа: «Середку, *как сердце живое из ран*, / *Отверстием* вытянул *внешним кольца*».

В параграфе четвертом «Поэма Элизабет Баррет Браунинг «Сватовство леди Джеральдин» («Lady Geraldine's Courtship») в переводе М.С.Трубецкой» проанализированы особенности переводческого осмысления

М.С.Трубецкой поэмы Баррет Браунинг «Сватовство леди Джеральдин» с привлечением текстов современных фрагментарных переводов этого произведения, выполненных В.К.Саришвили и В.Л.Топоровым.

В поэме Баррет Браунинг представлена романтическая трактовка куртуазного сюжета: бедный поэт Бертрам влюбляется в знатную даму Джералдину; узнав о ее намерении выйти замуж только за богатого и благородного человека высшего сословия, он впадает в отчаяние, упрекает графиню в несправедливости, намеревается навсегда покинуть ее дом, но прежде пишет письмо другу. Согласно задумке английской поэтессы, основное внимание в ее произведении сосредоточено на графине Джералдине, восхищение которой выражено во второй строфе при помощи анафоры и нарочитого нагнетания местоимения «she»: «There's a lady, an earl's daughter, *she* is proud and *she* is noble, / *And she* treads the crimson carpet and *she* breathes the perfumed air, / *And* a kingly blood sends glances up, her princely eye to trouble. / *And* the shadow of a monarch's crown is softened in her hair» [Есть одна леди, дочь графа, она гордая и она знатная, / *И* она ступает по красным дорожкам и она вдыхает ароматы, / *И* царские отпрыски смотрят на нее снизу вверх, ища ее королевского взгляда. / *И* тень монаршей короны покоится в ее волосах]. В переводе Трубецкой анафора опущена, однако художественная выразительность фрагмента сохранена, во многом благодаря уместному использованию эпитетов («гордость царская», «нежные жилы», «волны шелковых кудрей»): «Я знаком с одной графиней – очень знатной и богатой; / *Гордость царская* во взорах, в *нежных жилах* – кровь царей; / По коврам ступает плавно, лишь вдыхает ароматы, / *И* витает тень короны в волнах *шелковых кудрей*».

Душевные терзания героя, приглашенного ко двору графини, переданы Баррет Браунинг посредством антонимии параллельных конструкций. Трубецкая, сохраняя антонимическую параллель, опускает название английского графства Сассекс (Sussex), тем самым лишая описание конкретики. Столкновение взглядов графини и поэта, представляющих различные слои общества, строится у Баррет Браунинг на контрастной лексике. У Трубецкой контекстуальная антонимия английского подлинника утрачена, равно как и отдельные художественные детали. При переводе фрагмента, рассказывавшего о стихах, которые поэт читал леди Джеральдин, Трубецкая вполне оправдано опустила имя неизвестной в России поэтессы Мэри Хоуитт, сохранив имена Э.Спенсера, Ф.Петрарки, В.Вордсворта, А.Теннисона. Резкость обвинений, с которыми Бертрам обрушивается на Джералдину, подчеркнута у Баррет Браунинг анафорическим началом 76 – 78 строф. У Трубецкой общая резкость эпизода существенно смягчена – как за счет нарушения структуры (анафора «Как не стыдно вам...» сохранена только в 76-й и 78-й строфах), так и в силу изменения смысла, замены утверждения равенства людей на призыв к совести леди.

Несмотря на появление новых фрагментарных прочтений «Lady Geraldine's Courtship», перевод М.С.Трубецкой, созданный в начале XX в.,

остается востребованным и актуальным, прежде всего благодаря выдержанности формы, ритмики, смысла, стилистики оригинального текста. Переводчице удалось ощутить неповторимые интонации, малейшие нюансы описания, прочувствовать художественные детали и образы, на эмоциональном восприятии которых и построен весь чувственный мир поэзии Элизабет Баррет Браунинг.

В *главе третьей «Sonnets from the Portuguese» («Сонеты с португальского»)* Элизабет Баррет Браунинг в русских переводах осмысливается процесс творческого восприятия в России одного из наиболее значительных произведений Баррет Браунинг – ее лирического цикла «Sonnets from the Portuguese».

В *первом параграфе ««Sonnets from the Portuguese» («Сонеты с португальского»)* как *вершина поэтического творчества Элизабет Баррет Браунинг* рассмотрены обстоятельства создания лирического цикла, его художественные особенности и место среди других произведений поэтессы.

Два года переписки Э.Баррет и Р.Браунинга дали европейской литературе «один из самых оригинальных <...> эпистолярных романов, героями которого стали не вымышленные персонажи, а сами влюбленные поэты». Одновременно с письмами в период тайного сватовства Элизабет сочиняла сонеты, в которых в лирической последовательности была представлена драматическая эволюция ее чувств к Роберту во всей гамме настроений и переживаний, владевших ею в эти годы: «сначала изумление от обрушившегося на нее чувства, позже робкое пробуждение ответного, затем внутреннее смятение, колебания и нерешительность, и наконец – вера в себя и возлюбленного, радостное приятие и ликование, знаменующие торжество любви» (К.И.Шарафадина). Первая публикация, осуществленная в 1847 г. под заголовком «Sonnets by E.B.V.» («Сонеты Э.Б.В.») для частного пользования, осталась практически незамеченной; впоследствии, в 1850 г., стихи были изданы существенно большим тиражом как «переводы» с португальского – «Sonnets from the Portuguese». Выбор названия может быть объяснен ласковым домашним обращением Роберта к Элизабет – «the Portuguese» («<моя маленькая> португалка»), вероятно, обусловленным влиянием одного из ее ранних стихотворений «Catarina to Camoens» («Катарина Камозенсу», опубл. в 1844 г.), представлявшего собой обращение к прославленному португальскому поэту XVI в. Луису де Камозенсу от имени его возлюбленной Катарины де Атаиде.

Возрождению интереса к жанру сонета немало способствовали В.Вордсворт («Река Даддон» («The River Duddon. A Series of Sonnets», 1820), «Церковные сонеты» («Ecclesiastical Sonnets. In Series», 1821–1822)) и Д.Г.Россетти «Дом жизни» («The House of Life», 1881). На фоне более ранних сонетов Вордсворта и более поздних сонетов Россетти произведения Баррет Браунинг, пронизанные светлым чувством, обожествляющие избранника сердца, занимают свою уникальную нишу. Любовь к Роберту Браунингу изменила не только жизнь Элизабет, но и ее поэзию: избранная сонетная форма цикла, посвященного любимому, помогла избежать недостатков, свойственных

ее прежним произведениям – вычурности и расплывчатости, не соответствующих строгим рамкам сонета; и вместе с тем упоение страстью, эмоциональная насыщенность переживаний способствовали преодолению возможной однообразности и монотонности изложения.

«Sonnets from the Portuguese» – необыкновенно красивый цикл, который, воспев любовь двух поэтов, принес Баррет Браунинг настоящую славу, вошел в классику английской любовной лирики. Данный цикл непосредственно соотносится с реальной жизненной ситуацией, что нехарактерно для большинства других произведений поэтов викторианской эпохи, искавших творческие идеи в национальной истории, мифологии, средневековой культуре (сборник стихов В.Морриса «The Defence of Guenevere and Other Poems» («Защита Гвеневеры и другие стихотворения», 1859), «Idylls of the King» («Королевские идиллии», 1859 – 1889) А.Теннисона и др.). Обращение к любовной лирике оказалось единичным в творчестве Браунинг: произведения, созданные после «Sonnets from the Portuguese», были либо пронизаны политической тематикой под впечатлением от итальянской революции 1848 г., либо, как известный роман в стихах «Aurora Leigh» («Аврора Ли», 1857), посвящены проблемам женской эмансипации.

Во *втором параграфе «Книга переводов М.О.Цетлина (Амари) и И.Астрова «Португальские сонеты Елизаветы Баррэт Браунинг» (Нью-Йорк, 1956) в истории русского восприятия творчества английской поэтессы»* проанализирована специфика творческого восприятия сонетов Баррет Браунинг представителями русского Зарубежья М.О.Цетлиным и И.Астровым.

Книга переводов М.О.Цетлина (Амари) – И.Астрова (Раппопорта-Ястребцева) «Португальские сонеты Елизаветы Баррэт Браунинг», вышедшая в свет в нью-йоркском издательстве «Experiments» в 1956 г., сразу стала значительнейшим событием в истории русской рецепции творчества английской поэтессы. Если в прежние годы внимание русских переводчиков привлекали отдельные произведения Баррет Браунинг, то благодаря М.О.Цетлину и И.Астрову впервые оказался интерпретированным целый поэтический цикл, к тому же традиционно воспринимаемый в качестве одного из наивысших достижений английской литературы середины XIX в.

Г.В.Адамович, высоко оценивший переводы Цетлина – Астрова из Баррет Браунинг, в своем предисловии к изданию 1956 г. обращал внимание на допущенные вольности и приходил к выводу, что «за дословной верностью тексту переводчики <...> вообще не гнались, не останавливаясь перед отступлениями». По его мнению, отход от буквализма был, с одной стороны, вынужденной данью несовместимости законов и феноменов английского и русского языков, а с другой – выражал совершенно сознательную волю интерпретаторов. М.Форштетер в 1958 г. на страницах «Русской мысли» отзывался о предисловии Г.В.Адамовича как о «прекрасном», но отмечал при этом точность и бережность переводчиков. Согласно Ю.К.Терапиано, стремясь

«главным образом сохранить самое важное, т. е. дух каждого сонета, общую его эмоциональную атмосферу, смысл главнейших образов», переводчики пожертвовали тем, что было, на их взгляд, менее важным, прежде всего «абсолютной близостью к подлиннику, как в смысле размера, так и в отношении дословности перевода», позволили себе «ряд отступлений, пропусков или, наоборот, добавление каких-нибудь слов с целью яснее передать своеобразный, сложный, порой даже прихотливый, насыщенный религиозными отвлечениями и восторженностью текст подлинника». Как видим, вольности Цетлина – Астрова в восприятии критиков русского Зарубежья представлялись во многом оправданными и закономерными, преимущественно обусловленными спецификой языковых возможностей.

Примеры использования Цетлиным – Астровым «свободных» эквивалентов, а также приведения переводчиками дополнительных художественных деталей в описания, достаточно многочисленны. Сознвая необходимость более отчетливой прорисовки отдельных деталей, Цетлин – Астров нередко дополняли описания контрастными образами, насыщали их изобразительными и выразительными эпитетами, что, например, можно видеть в XXVII-м сонете, где в рассказе о чудесных изменениях в судьбе героини использовался контраст лужайки, на которой растут асфодели, и леса, причем в первом случае употреблялся эпитет «златоокий», а во втором – «темный», что подчеркивало авторские симпатии: «Как тот, кто проникает в мир чудес, / С лужайки златооких асфоделей / Оглядывается на темный лес / Земных страстей в покинутом пределе»; в оригинальном тексте преобладали скорее спонтанно-эмоциональные, нежели продуманные, выверенные детали, что придавало мыслям лирической героини определенную сумбуренность, оправданную в силу ее психологического состояния: «As one who stands in dewless *asphodel* / Looks backward on the tedious time he had / In the upper life...» [Как тот, кто стоит среди *асфоделей*, сухих без росы, / Оглядывается на утомительные времена, которые были у него / В прежней жизни...].

При сравнении героини, которой трудно поверить в реальность своего счастья, с церковным служкой, потерявшим сознание во время совершения обряда, Цетлин – Астров в XXX-м сонете предложили ряд дополнительных нюансов, позволивших скорректировать нарочитую прерывистость и спутанность описания Баррет Браунинг, придать ему большую отчетливость посредством выпуклого противопоставления света («светлый хор») и мрака («мрак неведомых пустынь»), вступивших в борьбу за человеческую душу, ср.: «...The acolyte / Amid the chanted joy and thankful rite / May so fall flat, with pale insensate brow / On the altar-stair. I hear thy voice and vow, / Perplexed, uncertain, since thou art out of sight, / As he, in his swooning ears, the choir's amen» [...Служащий / Среди радостных песнопений и обрядов благодарности / Может так упасть с бледным бесчувственным челом / На ступени алтаря. Я слышу твой голос и клятву, / Спутанные, неясные, так как ты невиден, / Как он, в обмороке, аминь хора] – «Как будто *светлый хор* поет, пророча / Блаженство в храме, озаря тьму / Молящихся, но в ладанном дыму / Вдруг служка оземь

грознется, точь-в-точь я. / Еще звучит торжественно аминь. / Но всюду *мрак неведомых пустынь*, / Хоть в отдаленье голоса у внемлю».

Подобным же образом отмеченная в XIII-м сонете неготовность героини к стремительному развитию отношений с возлюбленным («...I stand unwon, however wooed, / And rend the garment of my life, in brief, / By a most dauntless, voiceless fortitude» [...Я стою незавоеванная, однако оказавшая расположение, / И срываю облачение моей жизни, грубо, / С самой бесстрашной, безгласной стойкостью]) усиливается в переводе благодаря мотиву преддверья, который позволяет, несмотря на утрату экспрессии подлинника, выразительно и вместе с тем емко, лаконично передать основную мысль: «Еще стою я робко у *преддверья*, / Проникнуть в новый мир не пробил час». Впоследствии (в XXXVI-м сонете) русскими переводчиками используется еще один образ, во многом близкий «преддверью» в новый, чудесный мир, – это образ окна, обращенного в расцветший весенний сад; и вновь героиня боится двинуться навстречу судьбе, растворить окно: «Но свет небесный был еще так нов, / Что я боялась растворить *окно* / В весенний сад, внезапно весь расцветший»; в английском оригинале мысль передана при помощи образа «позолоченной светом бегущей вперед тропы» («light that seemed to gild the onward path»), более буквально соотносимого с пронизывающим сонет мотивом жизненного пути: «...I rather thrilled, / Distrusting every light that seemed to gild / The onward path, and feared to overlean / A finger even...» [...Я была скорее объята трепетом, / Не доверяя свету, который, казалось, золотил / Тропу впереди, и боялась согнуть / Палец даже...].

Идея отказа от прошлого в стремлении к другому, совершенно новому будущему, выраженная Баррет Браунинг в XLII-м сонете («*My future will not soru fair my past*» [“*Мое будущее не повторит точно моего прошлого*”]), раскрывается Цетлиным – Астровым посредством обширного толкования, в которое введены оригинальный мотив пророчества и две пары контекстуально антонимичных понятий («творчество» – «разруха», «красота» – «безобразье»): «*Меж будущим и прошлым нету связи*” / <...> / <...> и в этой фразе / *Пророчество* для нас звучало двух: / Рожденье *творчества* среди *разрух*, / Виденье *красоты* среди *безобразья*». Восходящий к Библии образ посоха, на котором появляются зеленые листья (в русском переводе – «побеги весны»), усыпанные жемчужинами росы, символично показывает перемены в душе и в жизни лирической героини Баррет Браунинг. Выразительность эпизода усилена в переводе введением двух контрастных эпитетов – «тернистый» (в синтагме «тернистый путь») и «пыльный» (в синтагме «пыльный посох»), призванных акцентировать всю невзрачность окружающего мира и тем самым еще сильнее раскрыть авторское восприятие цветения посоха как большого светлого чуда: «И я, пройдя *тернистый путь* земли, / Узрела, как расцвел мой *пыльный посох* / *Побегами весны в жемчужных росах*»; для английского оригинала значима обыденность ситуации, предвзявшей чудо, в связи с чем используются упоминание «привычных проблем» («natural ills») и соотношение образа героя и пилигрима («pilgrim»): «...Then I, long tried / By *natural ills*,

received the comfort fast, / While budding, at thy sight, my pilgrim's staff / Gave out green leaves with morning dew's impearled» [...Потом я, долго испытываемая / Привычными проблемами, быстро получила успокоение, / Тогда как набухая, при виде тебя, мой посох пилигрима / Дал зеленые листья в жемчужинах утренней росы].

Отмечая заслугу Цетлина и Астрова, ставших «авторами первого перевода на русский язык одного из выдающихся произведений английской поэзии девятнадцатого века», Ю.К.Терапиано признавал, что результат их работы не совершенен – «кое-что сдвинуто, кое-что сокращено и пропущено», но при этом «основная нота, чувство и основные образы сохранены и, <...> в главном, переданы верно». Не менее высокой оказалась и конечная оценка Г.В.Адамовича, отметившего вклад Цетлина и Астрова в развитие русского поэтического перевода: «<...> перевод стихов именно стихами – русская литературная традиция, установленная еще Жуковским, и, переложив на русский язык один из памятников английской поэзии прошлого века, Михаил Цетлин и Игорь Астров оказались этой традиции верны и заслужили особую благодарность всех тех, кому в подлиннике сонеты Елизаветы Баррет Браунинг недоступны». Подобные отклики свидетельствовали о том, что появление «Португальских сонетов Елизаветы Баррет Браунинг» стало значимым событием в литературе русского Зарубежья конца 1950-х гг. К сожалению, долгое время первый русский перевод «Sonnets from the Portuguese» оставался известен лишь в эмигрантской среде; его публикация в России состоялась только в 2011 г.

В *третьем параграфе* «“Sonnets from the Portuguese” (“Сонеты с португальского”) Елизавет Баррет Браунинг в восприятии современных русских поэтов-переводчиков (А.А.Щербаков, М.Я.Бородицкая, Г.М.Кружков, В.А.Савин, А.В.Парин)» проведен сопоставительный анализ текстов русских переводов произведений из цикла Баррет Браунинг «Сонеты с португальского», осуществленных в конце XX – начале XXI в.

Полный перевод «Sonnets from the Portuguese», выполненный Я.А.Фельдманом, крайне неудачен, характеризуется утратой художественной цельности подлинника, варьированием числа стихов с 8 до 16 (что неприемлемо для сонета), неуместным разнообразием строфического деления, вплоть до его полного отсутствия, а также – в отдельных случаях – члением по типу шекспировского сонета (вместо типа итальянского сонета Петрарки, характерного для Баррет Браунинг). Прочие переводчики, осмысливавшие отдельные произведения «португальского» цикла (Г.М.Кружков, М.Я.Бородицкая, А.В.Парин, В.А.Савин, А.А.Щербаков), использовали единую четырнадцатистрочную итальянскую форму сонета с отдельными отклонениями: А.В.Парин разделил сонеты на катрены и трехстишия, В.А.Савин использовал в XIV-м сонете катрены и двустипшия, А.А.Щербаков пожертвовал размером и рифмой единственного переведенного им стихотворения. В содержательном плане большинство переводчиков не останавливались перед отступлениями, предпочитая точность передачи

авторской идеи пресловутой дословной верности. В целом интерпретация «португальских» сонетов Баррет Браунинг, этого, говоря словами Г.В.Адамовича, «безбрежного разлива <...> восторженной и призрачной протестантской мечтательности», на русский язык, привыкший к «большей конкретности», оказалась весьма сложной задачей, наиболее успешно решенной в переводах Г.М.Кружкова, М.Я.Бородицкой, А.В.Парина. Вместе с тем является актуальным создание нового полного перевода браунинговского цикла, в котором каждое из произведений английской поэтессы получило бы достойную интерпретацию с учетом достижений современной науки о переводе.

В главе четвертой *«Гендерная специфика интереса к творчеству Элизабет Баррет Браунинг в современной России»* осмысливаются особенности творческого восприятия поэзии Элизабет Баррет Браунинг в современной России.

В параграфе первом *«Биографический этюд Вирджинии Вульф «Флаш» и очерк Андре Моруа «Роберт и Элизабет Браунинг» как основные источники современных представлений об Элизабет Баррет Браунинг в России»* отмечается, что современные представления об Элизабет Баррет Браунинг в России во многом сформировались под влиянием биографического этюда Вирджинии Вульф «Flush» («Флаш», 1933) и очерка Андре Моруа «Robert et Elizabeth Browning» («Роберт и Элизабет Браунинг», 1955), многократно растиражированных в российских изданиях в конце XX – начале XXI в. и размещенных в русских переводах в сети Интернет.

В.Вульф, одна из наиболее значительных представительниц литературы английского модернизма первой половины XX в., создала свой биографический этюд «Флаш» как пародию на роман воспитания, своеобразную литературную шутку. В своей работе над этюдом писательница использовала стихотворения Баррет Браунинг «Флашу, моему псу», «Флаш или Фавн?», ее переписку с Робертом Браунингом, Хенгистом Хорном и с сестрой, а также книгу Перси Лаббока «Элизабет Баррет Браунинг в своих письмах» и ряд других источников. Писательница сопроводила биографию Флаша пространными комментариями, в которые включила свои рассуждения о влиянии духа эпохи, философии и поэзии хозяев на поведение собак.

Если В.Вульф попыталась создать романтический, несколько приукрашенный образ Элизабет Баррет Браунинг, то А.Моруа в очерке «Роберт и Элизабет Браунинг» дополнил ее портрет, запечатленный в памяти последующих поколений, новыми реалистичными штрихами, подчеркивая тем самым, что восприятие великого, гениального человека после его смерти не остается неизменным, а продолжает трансформироваться, причем как в виду обнаружения неизвестных ранее фактов и материалов, так и в силу изменения общественных устоев и приоритетов. При воссоздании любовного романа Роберта Браунинга и Элизабет Баррет, через цитирование любовно-дружеской переписки и описание визитов-свиданий, Моруа пришел к интересному умозаключению, согласно которому встреча двух талантливых людей была

предопределена свыше удивительным сходством их судеб: «Суровые мать и сестра опекали его <Роберта> не менее ревностно, чем отец-деспот опекал мисс Барретт. Сходство судеб и предопределение свыше!». Вместе с тем устремления Роберта и Элизабет, каждый из которых искал себе в спутники более сильного человека, а обретал «дитя», нуждавшееся в заботе, опирались исключительно на иллюзии, крах которых подразумевал и закономерное завершение идиллических отношений. Моруа отмечал, что «как только супруги Браунинги перестали жить душа в душу, оба вернулись к работе: он напечатал томик “Мужчины и женщины” – стихи, которые для публики оказались не более понятными, чем предыдущие; она опубликовала длинную поэму “Аврора Ли”, имевшую огромный успех».

В *параграфе втором «Творческий портрет Элизабет Баррет Браунинг в современной русской женской поэзии»* указано, что начало XXI в. ознаменовалось всплеском специфического интереса к «Sonnets from the Portuguese» Баррет Браунинг в России: знаменитым сонетным циклом заинтересовались, прежде всего, женщины, причем в большинстве своем не только не профессиональные переводчицы, но даже и не профессиональные поэтессы. Вслед за И.В.Павловой, опубликовавшей в 2003 г. отдельной книгой полный перевод браунинговского цикла, некоторые произведения из него попробовали осмыслить в сети Интернет Виктория Баша, Людмила Рогожева, Светлана Макаренко, Шерлин Росса, Татьяна Воронцова. Во многих случаях их обращения к интерпретации сонетов Баррет Браунинг трудно понять, что же получилось «на выходе» – оригинальное стихотворение «на мотив», вольный перевод, переработка английского подлинника и т. д. И даже, когда речь идет именно о переводе, этот перевод практически всегда оказывается неточным, характеризуется домыслами, воссозданием не настроения оригинального текста, а дум и эмоций самого переводчика. Однако в данном случае нельзя и требовать иного, поскольку само обращение к сонетам Баррет Браунинг было вызвано не столько стремлением донести до русского читателя во всей глубине и выразительности шедевры английской поэзии, сколько желанием самореализации, опущением соотнесенности переживаний поэтессы из далекого прошлого с чаяниями современной женщины, находящей в стихотворениях Баррет Браунинг эмоциональную поддержку. В этой связи примечательны как сам факт доминирующего интереса к творчеству Баррет Браунинг именно со стороны женщин, так и удивительная сопричастность мук, страданий, терзаний, поисков и обретеный браунинговской лирической героини исканиям женщин нового времени, свидетельствующая о некоей стабильности женского начала, почти не меняющегося с годами, мало зависящего от эпох и нравов, и о мастерстве английской поэтессы, сумевшей уловить то вечное, неизменное, что волновало, волнует и будет волновать женщину.

Каждая из русских поэтесс и переводчиц, обратившихся к осмыслению «португальского» цикла Баррет Браунинг, подошла к нему со своих позиций. Так, Л.Рогожева создала пространное сочинение в стихах и прозе, посвященное изучению судьбы и творчества английской поэтессы и представлявшее собой

компоновку переводов «португальских» сонетов и других стихотворений Баррет Браунинг с обзором ее жизни на основе материалов Р.Браунинга, О.Уайльда, А.Моруа, В.Вульф, дополненную авторским сонетом о ней. С.Макаренко в оригинальных стихотворениях «Книги сорока колец» раскрыла удивительную женскую историю, обретя вдохновение, прежде всего, в переводах «португальских» сонетов, выполненных Я.А.Фельдманом, а также в эссе А.Моруа и повести В.Вульф. По-разному отозвались на творчество Баррет Браунинг В.Баша, Ш.Росса и Т.Воронцова: первая создала обзорное стихотворение, посвященное английской поэтессе и проникнутое восхищением ее судьбой и талантом, двое других вольно интерпретировали по одному сонету. В браунинговских «Sonnets from the Portuguese», этом своеобразном шедевре «женской» поэзии, «пережившем свое время и по-прежнему находящем путь к сердцу читателя» (Д.В.Усенко), понята и ощутима сила, объединяющая женщин разных судеб, разных эпох и поколений, разного образовательного уровня и социального статуса общими идеями о вечности исцеляющей романтической любви, придающей смысл самой человеческой жизни.

В *Заключении* подводятся итоги исследования, отмечается, что, русская рецепция поэзии Э. Баррет Браунинг прошла в своей эволюции несколько несложных этапов, во многом обусловленных особенностями литературного развития в России.

Проведенное исследование соотносится с другой научной работой, посвященной русскому восприятию викторианской поэзии – докторской диссертацией В.К.Чернина «Русская рецепция Альфреда Теннисона», защищенной в 2010 г. Вместе с тем до настоящего времени остается неизученной русская рецепция творчества большинства ведущих поэтов-викторианцев – Роберта Браунинга, Данте Габриэля Россетти, Алджернона Чарльза Суинберна, Мэтью Арнольда, исследование которой в дальнейшем позволит в полной мере осмыслить особенности влияния английской поэзии викторианской эпохи на русскую литературу, культуру и общественную мысль.

Настоящая диссертация, впервые осмысливающая перевод «Sonnets from the Portuguese», выполненный представителями литературы русского Зарубежья М.О.Цетлиным (Амари) и И.Астровым, привлекает внимание и к отсутствию научных исследований, посвященных месту переводческой деятельности в круге литературных интересов и предпочтений русских поэтов-эмигрантов, в связи с чем интересны как имена первого ряда (Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, И.А.Бродский и др.), так и полузабытые, даже второстепенные имена. В целом исследование эмиграции как явления культуры и социальной жизни, способное обогатить представление о соотечественниках, творящих вне Родины, невозможно без учета взаимовлияния и взаимопроникновения литератур и культур, особенностей деятельности авторов, создающих свои тексты на двух и более языках.

Одной из перспектив дальнейшей работы можно считать подготовку исследования, посвященного эволюции русской рецепции английского

романтического сонета (В.Вордсворт, Дж.Г.Байрон, Т.Мур, П.Б.Шелли, Дж.Китс, Э. Баррет Браунинг, Д.Г.Россетти) на протяжении двух столетий – от пушкинской эпохи до нашего времени.

В конечном итоге настоящая диссертация способствует пополнению знаний в области истории русского поэтического перевода, русско-английских литературных связей в аспекте осмысления творчества Э. Баррет Браунинг в международном литературном и историко-культурном контексте, что способствует накоплению материала для решения масштабной задачи – создания истории русской переводной художественной литературы XIX – начала XXI в.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора в журналах перечня ВАК:

1. ИONOBA, E.Л. Книга переводов М.Цетлина и И.Астрова «Португальские сонеты Елизаветы Баррет Браунинг» (Нью-Йорк, 1956) в истории русского восприятия творчества английской поэтессы / E.Л.ИONOBA // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия Гуманитарные науки. – 2012. – №4 (24). – С. 73 – 81 (0,72 п.л.).

2. ИONOBA, E.Л. «Португальские сонеты» Элизабет Баррет Браунинг в восприятии современных русских поэтов-переводчиков / E.Л.ИONOBA, Д.Н.Жаткин // Гуманитарные исследования. – 2012. – №3 (43). – С. 105 – 114 (0,82 п.л.).

3. ИONOBA, E.Л. Поэма Элизабет Баррет Браунинг «Lady Geraldine's Courtship» в переводе М.С.Трубецкой / E.Л.ИONOBA, Д.Н.Жаткин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Вып. 10. Филология. – С. 108 – 114 (0,63 п.л.).

4. ИONOBA, E.Л. О.Н.Чюмина – переводчик произведений Элизабет Баррет Браунинг / E.Л.ИONOBA, Д.Н.Жаткин // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №1 (32). – С. 370 – 373 (0,53 п.л.).

5. ИONOBA, E.Л. «Плач детей» («The Cry of the Children») Элизабет Баррет Браунинг в русских переводах XIX в. / E.Л.ИONOBA // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего ^{плюс}. – 2013. – №7 (11). – С. 173 – 179 (0,65 п.л.).

Подписано к печати «__» _____ 2013 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская №1. Печать трафаретная. Шрифт Times New Roman Сут.
Усл. печ. л. 1,38. Уч.-изд. л. 1,4. Заказ №21/11. Тираж 100.
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Тугушева С.Ю.
440600, г. Пенза, ул. Московская, д. 74, к. 220, тел.: 56-37-16.